

Все чувства бушевали в его груди, сталкиваясь и разрывая её на части — отчаянные и полные нежности. На шее Дань Ци даже выступили вены, а сжатые в кулаки руки слегка дрожали.

— Не возвращай мне... Не возвращай мне...

Когда прозвучала последняя, едва слышная фраза, лоб Дань Ци покрылся испариной, а чёлка намочила от пота.

Песня закончилась. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь его прерывистым дыханием.

Цзинь Чжияо обвела всех взглядом:

— Вы видели, как выглядит певец, когда полностью погружается в песню? Вы так сможете?

Огромная разница в уровне мастерства мгновенно лишила учеников присутствия духа. Они опустили головы и молчали.

И только Жун Юйхэн с предельной искренностью замотал головой и громко протянул:

— Не-е-ет!

Голос он растянул так сильно, будто был первоклассником у доски.

Цзинь Чжияо потеряла дар речи.

Дань Ци скосил на него взгляд, не сумев сдержать улыбки.

У Цзинь Чжияо опустились руки. Раньше ей было весело наблюдать за страданиями Вэнь Чжэчэна, но теперь, оказавшись на его месте, она поняла, каким же ангельским терпением он обладал.

Цзинь Чжияо терпеливо обратилась к нему:

— Сяо Жун, я бы хотела, чтобы вы занялись самоанализом.

Жун Юйхэн непонимающе кивнул.

Его самоанализ как раз и показал «не могу». Разве тут что-то не так?

Дань Ци наконец не выдержал и тихонько подсказал ему:

— Сестра Цзинь имеет в виду, что анализировать нужно про себя, а не поддакивать ей вслух.

Жун Юйхэн промолчал.

Раз уж Жун Юйхэн сам напросился, Цзинь Чжияо решила:

— Давай-ка ты тоже спой кусочек, я послушаю.

Жун Юйхэн поджал губы и мысленно записал в свой блокнот жизненных правил: «Следи за языком».

— Сестра Цзинь, я почти не пел эстрадных песен.

— Ничего страшного, пой то, что умеешь. Я же только что говорила: нужно выбирать репертуар, исходя из собственных особенностей, а не слепо подражать другим.

Жун Юйхэн задумался на пару секунд. Кажется, в университете он изучал бельканто.

Песня, которую можно спеть академическим вокалом и при этом не забыть слова...

Покопавшись в памяти, он собрался с духом, кивнул Цзинь Чжияо, а затем глубоко вздохнул, настраиваясь на нужный лад.

В следующую секунду мощный тенор хлынул наружу, словно прорвавшая плотину вода:

— Река течёт на восток!

Звёзды на небе склоняются перед Большой Медведицей!

Эй-хей, эй-хей, перед Большой Медведицей!

Чаша вина за друзей не разлей вода!

...

Едва Жун Юйхэн затянул песню во весь голос, как весь музыкальный класс замер в глубоком шоке во второй раз!

На лице Цзинь Чжияо отразилось такое потрясение, будто прямо перед ней рушились стены.

На учеников Вэнь Чжэчэна это подействовало ещё сильнее. Если пение Дань Ци просто отвлекло их, то выступление Жун Юйхэна буквально перепахало им душу.

Мощная и энергичная «Песня смельчаков» обрушилась на зал лавиной, заполняя всё пространство класса так, что её невозможно было игнорировать!

— Увидишь несправедливость — крикни во весь голос!

Когда надо действовать — действуй смелей!

С ветром и огнём пронесись по всей стране!

Просто петь Жун Юйхэну показалось мало. Помня наставления наставницы, он полностью погрузился в атмосферу песни и принялся двигаться в такт её бодрому ритму, внезапно обнаружив, что этот темп идеально подходит для танго.

Он пел, пританцовывал и сам себе отбивал такт:

— Когда надо действовать — действуй смелей! Раз-два-три, два-два-три...

Цзинь Чжияо балансировала между отчаянием и смехом. Она закрыла лицо руками, а её плечи мелко дрожали.

Остальные ученики едва сдерживались, чтобы не лопнуть от смеха. Если бы не присутствие двух наставников, их хохот съёс бы крышу!

Положить конец этому грандиозному представлению решил Вэнь Чжэчэн.

Он больше не мог это терпеть: его подопечные только-только вошли в ритм танца, а теперь всё пошло наперекосяк.

Вэнь Чжэчэн направился к ним с другого конца зала. Его начищенные туфли чётко отстукивали по деревянному полу: «тук, тук».

Жун Юйхэн посреди танца услышал, что кто-то подыгрывает ему шагами, и даже обрадовался. Но стоило ему повернуться на звук, как он увидел приближающегося Вэнь Чжэчэна.

«...»

Жун Юйхэн мгновенно прекратил петь и танцевать.

Вэнь Чжэчэн несколько секунд молча смотрел на него, а затем предельно вежливо произнес:

— Пожалуйста, не пой больше. Умоляю тебя.

Сдерживаемый смех Цзинь Чжияо наконец вырвался наружу:

— Пх-ф-ф...

Ей вторили остальные ученики, покотившись со смеху:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Один парень от смеха даже повалился на колени, квакая от восторга, точно весёлая лягушка:

— Ха-ха-ха, кха!.. Кха-ха-ха!

Единственными, кто не смеялся, были двое: Жун Юйхэн и Вэнь Чжэчэн.

Жун Юйхэн: «...» (ему было совсем не до смеха).

Вэнь Чжэчэн тоже не улыбался. Он просил совершенно искренне:

— Стоит тебе открыть рот, как у нас срывается всё занятие.

Жун Юйхэн широко распахнул глаза. Он так самозабвенно выступал, а Вэнь Чжэчэн выразил ему своё пренебрежение!

К тому же, если ему нельзя открывать рот, как он будет учиться?

От обиды Жун Юйхэн невольно надул губы:

— Но я же не могу вообще не ходить на уроки вокала?

Взгляд Вэнь Чжэчэна на пару секунд задержался на его надутых губах, а затем переместился в глаза.

В чистых глазах юноши читалась искренняя жажда знаний.

Вэнь Чжэчэн вдруг почувствовал, что его требование было чересчур несправедливым.

Жун Юйхэн ведь не нарочно мешал ему вести урок, просто такова была его манера исполнения!

Цзинь Чжияо наконец отсмеялась и с извинением произнесла:

— Учитель Вэнь, простите, это мы вам помешали. Давай так, Сяо Жун: на уроках ты будешь просто слушать теорию, а после занятий задержишься ненадолго, и я послушаю тебя наедине.

Все занятия во время тренировочного лагеря записывались на камеры, а оборудованных классов было всего два, так что Цзинь Чжияо при всём желании не могла перенести урок в другой кабинет.

Подумав, она решила проводить дополнительные занятия после уроков. В конце концов, всё происходило под прицелом камер, так что никто не обвинит её в предвзятости.

Жун Юйхэн не был эгоистом. Если он действительно мешал занятиям Вэнь Чжэчэна, то был готов оставаться дополнительно.

— Простите за беспокойство, учителя. Я согласен.

Когда выход из ситуации уже был найден, Вэнь Чжэчэн вдруг произнес:

— Дело не в вас. Моя просьба и правда была не совсем разумной. Я сам восполню то, что он пропустит, чтобы не отвлекать учителя Цзинь.

От этих слов остальные ученики обомлели. Дополнительные уроки от самого киноактера высшего класса — такое ни за какие деньги не купишь!

Однако, глядя на Вэнь Чжэчэна, от которого так и веяло холодом, ребята мысленно пошли на попятную. Общение с Вэнь Чжэчэном походило на рискованные инвестиции: чем выше потенциальная выгода, тем больше риск.

Стоит случайно обидеть кинозвезду, и о дебюте можно забыть.

Так что, несмотря на зависть, никто из них не хотел так рисковать.

Жун Юйхэн о подобных вещах не задумывался. Главное — получить положенные знания.

— Тогда рассчитываю на вас, Учитель Вэнь.

— Не за что, — взгляд Вэнь Чжэчэна стал глубоким и многозначительным. — В конце концов, если ты будешь молчать, мне придётся заниматься дополнительно только с тобой одним. А если запоешь — то со всей группой.

Жун Юйхэн: «...»

От автора:

Жун Юйхэн: «Он делает это мне назло».

Стоило Жун Юйхэну закрыть рот, как урок покатился как по маслу.

Остальные ученики по очереди показывали свои голоса. Уровень у всех был разный, но по итогам прослушивания лучшим всё равно оказался Дань Ци.

Жун Юйхэн заметил, что один из парней, исполнявших хип-хоп, тоже весьма неплох — у него отлично получалось сочинять тексты. Звали его Бянь Чэнь.

Возможно, сказывалось взаимное отторжение сильных соперников: Жун Юйхэну показалось, что Бянь Чэнь испытывает скрытую неприязнь к Дань Ци. Каждые две строчки он поворачивался в его сторону и выдавал очередное «йо-йо».

Смотрелось это на редкость нелепо.

Жун Юйхэн немного приуныл.

Почему Бянь Чэнь не делал «йо-йо» в его сторону? Неужели презирал его?

Его «Песня смельчаков» прозвучала недостаточно залихватски или танго вышло недостаточно дерзким?

Пока Цзинь Чжияо оценивала выступление Бянь Чэня, кто-то слегка коснулся плеча Жун Юйхэна. Он обернулся и с удивлением увидел Дань Ци.

Дань Ци незаметно подошёл сзади и, опустив голову, тихо спросил:

— Почему ты расстроен?

Жун Юйхэн вздрогнул от того, что его раскусили, но постарался не подать виду:

— Вовсе я не расстроен.

Дань Ци покосился на его надутые губы:

— Что-то я не видел, чтобы люди радовались с таким выражением лица.

Жун Юйхэн: «...»

Прежде чем Жун Юйхэн успел что-то соврать, в глазах Дань Ци блеснула теплота и признательность:

— Ты ведь решил за меня заступиться?

Жун Юйхэн от изумления даже приоткрыл рот, словно ослышался:

— ...Что?

— Когда он меня провоцировал, ты смотрел на него таким испепеляющим взглядом, что я просто не мог этого не заметить.

Жун Юйхэн: «...»

Да нет же, просто я тоже хотел оказаться в числе сильнейших...

<http://bllate.org/book/18291/1754034>